

В. Н. Земцов
**100-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА:
УЧАСТИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
(по материалам архива Исторической службы
Министерства обороны Франции)***

doi: 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-41-49

УДК 94(44)“1812” ББК 63.3(4Фра)521.2

Статья посвящена участию французской стороны в торжествах, связанных со 100-летием Отечественной войны 1812 г. На основе французских архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, автор выявляет действия правительств и общественных структур Франции и России, направленные на использование празднования юбилея войны для укрепления союзнических отношений двух стран. Несмотря на то что уже в самом названии войны (Отечественная война для русских и Русский поход Наполеона для французов) были заложены различия в историческом восприятии двумя народами событий той эпохи, стратегическая задача объединения сил против потенциального противника (Германии и ее возможных союзников) заставила государственные элиты России и Франции прибегнуть к своеобразному «переформатированию памяти». Инициатива реализации такого проекта исходила от российской стороны. Это объясняется тем, что для русских события 1812 г. вписывались в концепт «памяти-победы», тогда как для французов это была «память-травма». Две страны и два народа разделяло и то обстоятельство, что Франция была республикой, Россия — полуабсолютистской наследственной монархией; французское общество демонстрировало высокую степень политических и гражданских свобод, в России же процессы, ведущие к этому, только начинались. Вследствие этих обстоятельств стороны проявили разную степень готовности к «мемориальному переформатированию». В России подобный процесс шел более легко, что было связано с всеобщим доминированием государственного начала и со слабым развитием структур общественных, а также и с тем, что обладателю памяти-победы оказалось значительно легче проявить благородное снисхождение к когда-то поверженному противнику, чем носителю памяти-травмы. Однако на рубеже XIX и XX вв. Францию уже в большей степени волновала значительно более свежая национальная травма, чем та, которую она пережила в 1812–1815 гг., — травма франко-прусской войны. Это способствовало тому, что к поражению Великой армии в России французы стали относиться как к героической трагедии, которая делает большую честь даже не тому, кто выиграл, но тому, кто проиграл.

Ключевые слова: *Отечественная война 1812 года, юбилей, Франция, Россия, национальная память, переформатирование памяти*

Мероприятия, связанные со 100-летним юбилеем Отечественной войны 1812 г., стали крупнейшим государственным проектом в плане формирования исторической памяти народов Российской империи. Проведенные вскоре после Первой русской революции и в условиях приближавшейся мировой войны, эти празднества должны были, по замыслу

их организаторов, не только сплотить вокруг царского престола различные социальные и политические силы, но и стать фактором укрепления союзнических отношений с Францией, которая за 100 лет до этого, а затем и в годы Крымской войны выступала в качестве главного противника, покушавшегося на целостность и самостоятельность Российского государства. Обстоятельства празднования этой годовщины чрезвычайно интересны тем, что позволяют увидеть, какие шаги предпринимались обеими сторонами — Россией и Францией — с целью переформатирования национальной исторической памяти в интересах текущей внешней политики.

Исследователи затрагивали сюжеты, связанные с подготовкой к 100-летию юбилею и участием французской стороны в торжествах

*Земцов Владимир Николаевич — д.и.н., профессор кафедры новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет; заведующий кафедрой всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург)
E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях» (рук. О. С. Поршнева)

1912 г.¹ Между тем главный комплекс документов, раскрывающий внутреннюю механику подготовки Парижа к юбилейным событиям в России и специфику восприятия французской стороной того, что происходило в ходе торжеств, до сих пор не введен в научный оборот. Эти документы хранятся в фондах архива Исторической службы Министерства обороны Франции.²

Документы определенно свидетельствуют о том, что начальный импульс, который предрепределил участие французских делегаций в юбилейных торжествах в России в 1912 г., исходил от российской стороны, а именно от генерал-майора Н. Н. Бернацкого, возглавлявшего Виленский кружок ревнителей памяти истории 1812 г. В середине августа³ 1911 г. Н. Бернацкий посетил французское посольство в Санкт-Петербурге и имел беседу с военным атташе Франции полковником Маттоном. Результатом этого стал рапорт Маттона в Военное министерство от 5 (18) августа 1911 г., в котором он сообщил, что, по словам Н. Бернацкого, по всему пространству от Немана до Москвы находятся останки солдат армии Наполеона, но места их упокоения никак не обозначены, а несколько оставшихся могил, как в Вильно, так и в местах переправы через реку Березину, в скором времени совсем исчезнут. Н. Бернацкий сообщил также, что Россия готовится с необычайным размахом отпраздновать, как писал Маттон, «то, что она (Россия — В. З.) называет “Отечественной войной (la Guerre de la defense national)”». Во всех имею-

щих отношении к этой войне городах созданы комитеты по подготовке торжеств, собираются воспоминания, создаются музеи, подновляются существующие памятники. Ожидается, докладывал полковник, что в связи с этим юбилеем произойдет настоящий взрыв (explosion) русского патриотизма, который российское правительство постарается сделать настолько грандиозным, насколько это будет возможным. Военный атташе считал, что французскому руководству следует побеспокоиться о тех мерах, которые оно в состоянии предпринять, чтобы участвовать в подобных празднествах. Мероприятия, по мнению полковника, не будут нести в себе какого-либо «злобного» заряда (aucun caractère d'animosité) в отношении французов. «Мы можем, — писал он далее, — даже предвидеть, что одним из аспектов станет прославление Наполеона, судя по тому, что у русских царит подлинный его культ; будет также иметь место экзальтация военной доблести наших предков». Участие французской стороны в празднествах, считал Маттон, «может быть удачно обращено в нашу пользу и послужить укреплению тех связей, которые нас объединяют с русским народом и русской армией».⁴

2 октября 1911 г. Военное министерство обратилось к военно-историческому обществу «Французская память» («Souvenir Français») с запросом по поводу возможности сооружения в России ряда памятников павшим в 1812 г. чинам Великой армии.⁵ 2 ноября 1911 г. генеральный секретарь этого общества Ф. К. Ниссен отправил в Военное министерство письмо, в котором сообщил, что общество «Французская память» связалось с господином П. Жиро, руководителем московского отделения данной организации, и включилось вместе с французами, проживающими в России, в обсуждение возможности сооружения памятников на территории от Вильно до Бородино.⁶ 25 ноября Ф. Ниссен информировал о создании Комитета по проектированию памятников в России. В него вошли генерал Пульё, бывший посол господин Реверсо, инспектор исторических памятников во Франции господин Бёсвилльвальд, полковник ви-конт Флёр и сам Ниссен. Сообщалось также, что на обращение «Французской памяти»

¹ См.: Назарян Е. А. Участие МИД России в подготовке юбилейных торжеств 1912 г. // Бородино и Наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 190-летию Бородинского сражения. М., 2003. С. 404–409; Ульянова Г. Н. Юбилей Бородинской битвы и проблема трансформации исторической памяти: историография и периодизация // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: материалы Междунар. науч. конф. М., 2013. С. 498–509; Хомченко С. Н. Французский памятник и юбилейные торжества на Бородинском поле 7–8 сентября 1912 г. в воспоминаниях полковника В.-А. Флёр // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы: материалы XIX междунар. науч. конф. Бородино, 2016. С. 57–69; Букреева Е. М. Исследовательские поездки барона де Бая в Бородино // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: материалы Междунар. науч. конф. Бородино, 2015. С. 74–90; Бочков Е. А. «В интересах поддержания наших сердечных отношений с Францией...» Участие французских делегаций в мероприятиях, посвященных столетию Бородинского сражения в 1912 г. // Петерб. ист. журн. 2017. № 2 (14). С. 232–255; № 3 (15). С. 174–182; Kern E. Les commémorations de la réconciliation entre la France et la Russie (1812–2012). Saint-Denis, 2014.

² Service historiques de la Défense. 1M 2360 (далее — SHD).

³ Даты приведены по новому стилю, при необходимости указан и старый стиль.

⁴ SHD. Le Colonel Matton — Le Ministre de la Guerre. Saint-Petersbourg, le 5/18 Août 1911.

⁵ Ibid. Ministère de la Guerre. Bordereau d'envoi. Paris, 6 Décembre 1911.

⁶ Ibid. F.-X. Niessen — Le Ministre de la Guerre. Paris, 2 Novembre 1911.

откликнулось и другое военно-историческое общество — «Сабреташ» («Sabretache»)⁷ — в лице Э. Детайля.⁸ Ниссен выражал надежду на то, что вопрос о возведении памятника на Бородинском поле будет принципиально решен к маю или июню 1912 г.⁹

К январю 1912 г. политическое и военное руководство Франции окончательно принимает решение участвовать в тех мероприятиях, которые готовятся в России по случаю 100-летия войны 1812 г. На это решение повлиял ряд факторов, главным из которых был фактор военно-политический. Союз с Россией рассматривался Парижем как важнейший элемент внешнеполитической стратегии перед лицом роста прежде всего (но не только) германской угрозы. Совсем недавно, в 1911 г., разразился Агадирский кризис, серьезно обостривший международную ситуацию в Европе и за ее пределами. На волне шовинизма во Франции в начале 1912 г. премьер-министром, а в 1913 г. и президентом республики становится Р. Пуанкаре, главной задачей которого была подготовка войны против Германии. Определенную роль в принятии решения отметить 100-летнюю годовщину Русского похода установлением памятников павшим сыграло то, что уже тогда в странах Европы было принято называть общественным мнением. Правительство и отдельные министерства вынуждены были прислушиваться к голосу таких влиятельных неправительственных организаций, связанных с военной историей, как «Французская память» и «Сабреташ».

Вместе с тем в Париже хорошо осознавали всю деликатность ситуации. Франция и Россия имели не только разные формы правления (Третья республика во Франции и полуабсолютистская монархия в России), но и разные политические режимы. Как следствие, между Парижем и Санкт-Петербургом не могло не возникнуть трений в связи с весьма непохожими моделями взаимодействия власти и общества. Впрочем в этом плане было и нечто общее, а именно политическая и общественная нестабильность, заставлявшая политические элиты обеих стран систематически прибегать к кампаниям, имевшим целью нагнетание

военной экзальтации среди широких масс населения. Заметную роль в этом играли целенаправленные экскурсии государственных, а нередко и общественных структур в национальное военное прошлое.

И все же главный момент деликатного свойства заключался в том, что Париж должен был участвовать в торжественных мероприятиях, прославлявших славу русского оружия и народный подъем против общеевропейской армии французского императора, потерпевшего в 1812 г. сокрушительное поражение. Парадоксальность ситуации усиливалась еще и тем, что во Франции времен Третьей республики не было принято восхвалять Наполеона I, тогда как в России этот исторический персонаж не только пользовался почетом, но и вызывал у многих подлинное восхищение.

Эти обстоятельства и предопределили специфику подготовки Парижа к участию в юбилейных торжествах в России. Во второй половине декабря 1911 г. Военное министерство Франции начало переписку по этому поводу с Министерством иностранных дел. В двух письмах (от 19 и 31 декабря) Военное министерство, которое возглавлял А. Мильеран, предложило совместно просить правительство Республики взять проект сооружения памятников погибшим в России солдатам армии Наполеона под официальный государственный патронаж. Кроме того, было предложено принять активное участие в создании в Москве «Музея 1812 года». Однако МИД Франции в письме от 12 января 1912 г. заявил о нецелесообразности для французского правительства брать под официальную опеку этот проект. Руководители МИДа сочли, что было бы вполне достаточным, чтобы французский военный атташе исполнял функции «генерального представителя» Комитета по сооружению памятников в России, а генеральный консул в Москве стал бы почетным членом этого Комитета. Что же касается открытия «Музея 1812 года», то МИД Франции счел желательным уступить эту работу русскому комитету. В письме было предложено, чтобы Маттон, исполнявший функции «генерального представителя», посетил Бородино, Смоленск и Вильно для ознакомления с ситуацией на месте, проявив тем самым заинтересованность Парижа в сохранении мемориальных объектов. Наконец, МИД, ссылаясь на посла Франции в России Ж. Луи, счел полезным, чтобы три французских офицера, проходивших стажировку в русской

⁷ Sabretache (фр.) — ташка, гусарская сумка.

⁸ Полный список участников комитета привел полковник Флёрри (см.: Dru A. (Colonel Fleury). Les monuments français du centenaire de 1812 et les Cérémonies de Borodino et de Moscou. Paris; Nancy, 1912. P. 6–7).

⁹ SHD. F.-X. Niessen — Le Ministre de la Guerre. Paris, 25 Novembre 1911.

армии, были с этой же целью до конца марта отправлены в Москву, Вильно и Смоленск.¹⁰

Ответ, полученный из МИДа, заставил Мильерана уже на следующий день, 25 января 1912 г., отправить на имя Ниссена послание, в котором он поблагодарил Комитет за действия по открытию памятников погибшим в России в 1812 г. и предложил ему адресоваться к Маттону, чтобы координировать действия с МИДом Франции, заявив в конечном итоге, что состав Комитета вполне сможет обеспечить эффективность этих действий.¹¹ Обескураженный и расстроенный Ниссен в тот же день обратился к капитану Верлену, который от Военного министерства курировал деятельность объединенного Комитета обществ «Французская память» и «Сабреташ», и сообщил ему о письме военного министра, в котором ничего не было сказано о почетном членстве в Комитете влиятельных персон.¹²

Между тем с января 1912 г. русская сторона на официальном уровне стала проявлять заинтересованность в участии французской стороны в приближающихся торжествах по случаю 100-летия войны 1812 г. Помимо российского МИДа, с подобными и даже с еще более далеко идущими предложениями к французской стороне обратилось и Военное министерство. 19 января 1912 г. полковник Маттон, наряду с общей информацией о подготовке в России к юбилейным празднествам, отправил в Военное министерство Франции и сведения секретного характера. В беседе с ним военный министр В. А. Сухомлинов заявил о готовности русской стороны обсудить возможность обмена по случаю юбилея 1812 г. французских и русских знамен, которые были захвачены обеими армиями во время этой кампании. «Многие представители наших двух стран, — сказал В. А. Сухомлинов, — друзья, и для наших граждан необъяснимо, почему мы держим у себя ваши знамена, а вы — наши. Мы можем осуществить обмен. Каждая страна останется обладателем своей собственной славы... и только Германия не будет этому радоваться!» Маттон в ответ сказал, что он «очень тронут этим предложением, которое является одним из проявлений тех чувств, которые глубоко ценят во Франции, но реализация этого [предло-

жения] кажется несколько затруднительной, ибо число знамен, которые мы можем вернуть, вряд ли сравнимо с тем количеством, которое мы можем получить...» Рапорт французского полковника заканчивался констатацией того, что предложение русской стороны об обмене знамен — жест весьма решительный и служит проявлением чрезвычайно высокой степени демонстрации дружественного отношения. Маттон ожидал инструкций из Парижа.¹³

Военный министр Франции А. Мильеран, узнав о предложении русской стороны об обмене знамен, выдержал некоторую паузу, после чего информировал об этом МИД и премьер-министра. Свою позицию он обозначил так: «Подобный вопрос имеет высокое международное значение и включает в себя определенный национальный аспект, в связи с чем не может быть решен до того, как русское правительство не сделает официального предложения на этот счет».¹⁴ Премьер-министр и Министерство иностранных дел высказались примерно в том же духе, отметив, что «обмен знамен превышает ту сферу, на которую мы готовы подняться, принимая участие в предстоящих мероприятиях».¹⁵ Французское руководство теперь решило окончательно определить тот уровень, на который оно было готово пойти в своем участии в торжествах в России, связанных со 100-летним юбилеем. В аналитической записке, подготовленной в недрах Военного министерства, констатировалось, что очевидны «трудности, которые уже существуют и которые могут проявиться вновь в дальнейшем, а именно связанные с национальными и политическими противоречиями». Военное министерство решило снизить уровень участия в деятельности Комитета по возведению памятников в России: вместо генерала П. Лагисша, который незадолго до этого начал исполнять функции «генерального представителя» в Комитете, эти функции закрепили за военным атташе в России полковником Маттоном.¹⁶

В отличие от французской стороны, российское руководство готово было пойти в демонстрации дружеских чувств по отношению к Франции значительно дальше. 4 (17) февраля 1912 г. Маттон сообщал в Париж: военный

¹⁰ Ibid. Le Ministre des Affaires étrangères à Monsieur le Ministre de la Guerre. Paris, 12 Janvier 1912.

¹¹ Ibid. Le Ministre de la Guerre — F.-X. Niessen. Paris, 27 Janvier 1912.

¹² Ibid. F.-X. Niessen — capitaine Wehrlin. Paris, 27 Janvier 1912.

¹³ Ibid. Le Colonel Matton — Le Ministre de la Guerre. Saint-Petersbourg, 19 Janvier (1 Février) 1912.

¹⁴ Ibid. Le Ministre de la Guerre — Le President du Conseil. Paris, 24 Février 1912.

¹⁵ Ibid. Le President du Conseil, Ministre des Affaires étrangères à Monsieur le Ministre de la Guerre. Paris, 27 Février 1912.

¹⁶ Ibid. Le Ministère de la Guerre. Analyse. S. I., s. a.

министр Сухомлинов заверил его в беседе, что сделает все возможное для успешной реализации тех задач, которые стоят перед французским атташе в связи со 100-летием войны 1812 г.; что он отдал распоряжение Генеральному штабу и всему высшему военному руководству оказывать Маттону всяческое содействие и что российское правительство будет очень радо видеть участие французской стороны в праздновании 100-летнего юбилея. Поле Бородинской битвы, как отметил В. А. Сухомлинов, «это та земля, на которой две страны могут и должны встретиться». «Имеются все возможности, — продолжал он далее, — чтобы праздники в честь 1812 года, организуемые для возбуждения патриотических чувств русского народа, не только не вылились в какую-либо демонстрацию враждебности между нами, но послужили сохранению дружественных связей, которые объединяют два народа. Русские не испытывают злопамятства по отношению к французской нации из-за наполеоновского вторжения. Они хранят только глубокое уважение к характеру и храбрости французских солдат и испытывают безотчетное восхищение военным гением Наполеона. Оба народа одинаково доблестны на поле битвы, равным образом проникнуты чувством любви к родине и не могут перед лицом грядущей общей опасности не воспринимать уроки истории вековой давности иначе, как вызывающие необходимость все более и более тесного единения».¹⁷

В марте 1912 г. Маттон приступил к изучению вопроса о том, где именно можно будет установить памятник павшим Великой армии на Бородинском поле, которое он и посетил в апреле.¹⁸ В мае он совершил также поездку в Вильно, на Березину и в Смоленск. В рапорте от 12 (25) мая 1912 г., отправленном в Военное министерство,¹⁹ Маттон подробно описал обстоятельства своей поездки. Как там и предполагали, военный атташе столкнулся с рядом проблем. Во-первых, вопрос о размещении памятника павшим французам в Вильно вызвал оживленные споры и даже столкновения между пропольски настроенным муниципалитетом Вильно и российским губернатором и командованием военного округа; во-вторых, оказалось невозможным обеспечить сохранность монумента на Березине из-за воровства

местных жителей; в-третьих, серьезные споры вызвал вопрос о том, где именно сооружать «французский» памятник в Смоленске, поскольку все возможные места в самом городе уже были предопределены под памятники тем или иным российским героям 1812 г. Завершая свой рапорт, Маттон подчеркнул, что предварительную работу по установке памятников надо осуществить без задержки, исходя из того что «в России все делается медленно».

В начале июня 1912 г. посол России в Париже А. П. Извольский информировал премьер-министра Р. Пуанкаре о желании российского правительства «видеть французскую делегацию при открытии памятника, который будет воздвигнут на поле битвы при Москве-реке павшим Великой армии». Пуанкаре ответил, что «правительство Республики имеет намерение быть представленным на этой церемонии». В письме к военному министру А. Мильерану премьер-министр отметил, что следует «отправить в Россию делегацию, не многочисленную, но такую, которая могла бы произвести благоприятное впечатление».²⁰ 22 июня тот ответил Пуанкаре, особо подчеркнув следующее: «Наше участие в этих торжествах должно быть ограничено исключительно гуманистическим аспектом почитания наших павших». Он предложил, чтобы во главе французской делегации стоял генерал де Лангль де Кари, командир 8-го армейского корпуса.²¹ 10 июля Мильеран уведомил о том, что на открытии монумента павшим в 1812 г. будут представлены также офицер штаба военного министра майор артиллерии Бюа, и офицер штаба 66-й пехотной бригады капитан пехоты де Ренти.²²

В середине июля на стол Мильерана легла аналитическая записка по поводу предстоящих в России торжеств и участия в них французских представителей. В документе констатировалось, что все мероприятия, готовящиеся в России к 100-летию войны 1812 г., нацелены на то, чтобы произвести значительный эффект в плане «возбуждения национальных чувств русских». Однако это не означает, говорилось далее, что Россия связывает подобное с желанием продемонстрировать антифранцузские

¹⁷ Ibid. Le Colonel Matton — Le Ministre de la Guerre. Saint-Petersbourg, 4 (17) Février 1912.

¹⁸ Ibid. Saint-Petersbourg, 31 Mars (13 Avril) 1912.

¹⁹ Ibid. Saint-Petersbourg, 12 (25) Mai 1912.

²⁰ Ibid. Le President du Conseil, Ministre des Affaires étrangères à Monsieur le Ministre de la Guerre. Paris, 10 Juin 1912.

²¹ Ibid. Le Ministre de la Guerre — Le President du Conseil. Paris, 22 Juin 1912.

²² Ibid. Le Ministre de la Guerre — le Ministère des Affaires étrangères. Minute. Paris, 10 Juillet 1912.

настроения, напротив, она связывает это с укреплением франко-русского альянса.²³

В Военном министерстве Франции были подготовлены инструкции для полковника Маттона и тех офицеров, которые проходили стажировку в русской армии и также были задействованы для выполнения различных поручений в связи с юбилеем.²⁴ Так, капитан Марешаль должен был вплотную заняться вопросом о памятнике в Смоленске, для чего ему следовало вступить в контакт с рядом государственных и общественных деятелей. Этот памятник планировалось поставить в 1913 г. Капитан Першене, находясь в Вильно, должен был встретиться с генералом Бернацким и с представителями местных властей. В ходе изучения вопроса о сооружении памятника в Вильно ему следовало обратить внимание на деликатный «польский вопрос», а именно решить, делать ли на монументе простую надпись «Солдатам Великой армии», не отмечая их национальную принадлежность, либо выбрать иной вариант, на котором могли бы настаивать поляки. Капитану Левенгру, находившемуся в Варшаве, поручалось поднять вопрос о возможности сооружения монумента в этом городе. Ему следовало также обсудить вопрос о том, как участие поляков в войне 1812 г. может быть отражено применительно к монументам на Бородинском поле, в Вильно, Смоленске и на Березине.

2(15) августа военный атташе Маттон сформировал Военное министерство Франции об официальной программе празднеств, утвержденной российским императором. В своем комментарии полковник заметил: все то, что касается французской делегации, не фигурирует в отпечатанном варианте программы. Маттон также сообщил, что на заседании Комитета министров его председатель В. Н. Коковцов заявил, что по решению императора, в манифесте, который готовился по случаю 100-летия войны 1812 г., «не должно быть ничего, что нанесло бы ущерб французскому народу, который сегодня нам дружелюбен». В тексте уже утвержденного манифеста действительно не было прямого упоминания

о французах, там были только слова о «нашествии народов Запада числом 20 национальностей (12 языков)».²⁵

30 августа обе французские делегации отбыли поездом из Парижа. С 3-го по 13 сентября они приняли участие в десятках мероприятий в Санкт-Петербурге, на Бородинском поле (здесь 8 сентября они открыли временный монумент в память о павших в 1812 г. солдатах Великой армии) и в Москве, связанных со 100-летием Отечественной войны.²⁶ Руководители и представители обеих французских делегаций в отчетах о результатах своего визита в Россию упоминали об особой теплоте, с которой их принимали. Де Лангль де Кари написал так: «Подводя итоги, следует отметить, что миссия была объектом внимания в высшей степени предупредительного и в то же время лестного; очевидно, что император, министры, члены их фамилий, высокие гражданские и военные власти не уставали в ходе всех церемоний демонстрировать это перед представителями Франции, размещая нас в первых рядах; множество раз Его величество выражал свое удовольствие видеть официальных представителей правительства Республики. Со своей стороны я убежден, что присутствие миссии придавало празднованию Столетия, по большей части, особый характер в том смысле, что все действия и все слова тщательно взвешивались или были нацелены на то, чтобы не дать нашей нации, сегодня дружественной и союзной России, какой-нибудь повод вызвать законное раздражение».²⁷

Торжества, прошедшие на Бородинском поле и в Москве в связи со 100-летием войны 1812 г., должны были иметь как для русских, так и для французов продолжение. Прежде всего надо было провести фактически вторичное открытие памятника на Бородинском поле, заменив временную модель на гранитный монумент. Однако возник целый ряд проблем. Так, снова встал вопрос, до конца не разрешенный ранее, о покупке той земли, на

²³ Ibid. Ministère de la Guerre. Minute. Note pour M. Le Ministre de la Guerre. Paris, s. a.; Ministère de la Guerre. Le Cabinet du Ministre et Section Historiques. Bordereau d'envoi. Paris, 17 Juillet 1912.

²⁴ Ibid. Instructions pour le capitaine Michel... S. l., s. a.; Instructions pour le capitaine Perchenet... S. l., s. a.; Instructions pour le capitaine Le Vengru... S. l., s. a.; Ministère de la Guerre — Le colonel Matton à Saint-Petersbourg, S. l., s. a.

²⁵ Ibid. Le Colonel Matton — Le Ministre de la Guerre. Saint-Petersbourg, 2 (15) Août 1912; Résumé du Programme des fêtes du centenaire de 1812 actuellement soumis à S.M. l'Empereur. Saint-Petersbourg, 21 Juillet (3 Août) 1912.

²⁶ Ibid. Le Général de Division de Langle de Cary à Monsieur le Ministre de la Guerre. Bourges, le 12 Octobre 1912; M. de Valicourt, consul de France à Moscou, à M. Poincaré. Moscou, le 9 Septembre 1912; Le Colonel Matton — Le Ministre de la Guerre. Saint-Petersbourg, 3 (16) Mars 1912; Le Colonel Matton — Le Ministre de la Guerre. Saint-Petersbourg, 12 (25) Mai 1912; Dry A. (Colonel Fleury). Op. cit.; etc.

²⁷ SHD. Le Général de Division de Langle de Cary... P. 14.

которой торжественно был открыт бородинский памятник.

10 марта (н. ст.?) 1913 г. Ж. Луи, французский посол в России, представил Ш. Жоннеру, министру иностранных дел Франции, записку с кратким изложением обстоятельств дела (в тексте записки чувствовалось плохо скрываемое раздражение в отношении русских властей, которые организовали открытие монумента в присутствии царя и официальной французской делегации, а затем предоставили французским властям самим решать вопрос о его принадлежности).²⁸ Только 7 мая 1913 г. Военное министерство уведомило французский Комитет в лице его генерального секретаря о согласии Военного министерства купить землю, на которой будет воздвигнут бородинский монумент.

29 мая Ж. Жоффр, начальник Генерального штаба французской армии, сообщил Ниссену о том, что отдал распоряжение, чтобы военный атташе в Петербурге взял на себя функции генерального представителя Комитета в России и принял участие в официальном открытии монумента, хотя, как заметил генерал, «это участие и не кажется необходимым в данный момент; оно, помимо прочего, провоцирует определенное соперничество, и трудности такого рода следует представлять».²⁹

Постоянный памятник на Бородинском поле был вторично открыт 26 августа (8 сентября) 1913 г. Церемония была краткой.

Памятники же погибшим в 1812 г. чинам Великой армии в Вильно, на Березине и в Смоленске установить не удалось. Одной из главных причин стало то, что уже в 1913 г. военные власти Франции не только потеряли интерес к подобного рода мероприятиям, но и дали понять французской военно-исторической общественности о их нежелательности. Помимо достаточно прозрачных намеков Жоффра в этом плане, соответствующую позицию занял и новый военный атташе в России генерал П. Лагиш. В письме к Ниссену от 29 мая 1913 г. по поводу сооружения памятника в Вильно он прямо заявил, что далеко не во всем одобряет активность своего предшественника полковника Маттона, считая, что проблема установки

памятника таит в себе большую опасность как с точки зрения «соперничества народов, так и с политической точки зрения». По его мнению, у французской армии в эпоху Наполеона были более славные победы, чем в 1812 г., «к примеру, Аустерлиц, Йена и другие».³⁰

Конечно, было бы странным, если бы французская сторона приняла более деятельное участие в затянувшихся в России торжествах по случаю 100-летия разгрома нашествия «двунадесяти языков». Этот сюжет оказался третьестепенным на фоне более значимых для Франции того времени вопросов, таких как взятие Марракеша французскими войсками, большие маневры двух французских армий, визит в Швейцарию германского императора Вильгельма II, война между Италией и Турцией, события на Балканах. Начавшаяся вскоре после торжеств, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 г., новая война (в России одно время ее также называли Отечественной, а — во Франции — Великой) актуализировала иные, далеко не всегда связанные с Наполеоновской эпохой, темы, сюжеты и воспоминания.

Подводя итоги, отметим что в условиях приближавшейся мировой войны Россия и Франция оказались заинтересованы в поисках таких исторических сюжетов, которые бы способствовали взаимному сближению двух народов. Как ни странно, но важнейшей страницей общей истории России и Франции при решении такого рода задачи стала война 1812 г. Несмотря на то что уже в самом названии войны (Отечественная война для русских и Русский поход Наполеона для французов) были заложены различия в историческом восприятии двумя народами событий той эпохи, стратегическая задача объединения сил против потенциального противника — Германии и ее возможных союзников — заставила государственные элиты России и Франции прибегнуть к тому, что сегодня носит название «переформатирование памяти». Документы свидетельствуют о том, что инициатива реализации такого проекта исходила от российской стороны. Это было вполне объяснимо хотя бы потому, что для русских события 1812 г. вписывались в то, что называют «памятью-победой», тогда как для французов это была «память-травма». Две страны и два народа разделяли

²⁸ Ibid. M. Georges Louis, Ambassadeur de la République Française à Saint-Petersbourg à M. Jonnart, Ministre des Affaires étrangères. Saint-Petersbourg, 10 Mars 1913.

²⁹ Ibid. Ministère de la Guerre à F.-X. Niessen. Paris, 29 Mai 1913. Документ подписан начальником Генерального штаба Ж. Жоффром.

³⁰ Ibid. Le Général Laguiche à X. Niessen. Saint-Petersbourg, 29 Mai 1913.

обстоятельства и иного рода. Франция была республикой, Россия — полуабсолютистской наследственной монархией; французское общество демонстрировало высокую степень политических и гражданских свобод, в России же процессы, ведущие к этому, только начинали развиваться; Россия и Франция демонстрировали также разные модели взаимодействия между государственными и общественными структурами. Вследствие данных факторов стороны проявили разную степень готовности к «мемориальному переформатированию». В России подобный процесс пошел более легко, что было связано со всеобщим доминированием государственного начала и со слабым

развитием структур общественных, а также с тем, что обладателю «памяти-победы» оказалось значительно легче проявить благородное снисхождение к когда-то поверженному противнику, чем сделать это носителю «памяти-травмы». Впрочем, определенный исторический реванш за поражения в 1812–1814 гг. Франция уже взяла в ходе Крымской войны, и на рубеже XIX–XX вв. ее волновала травма более свежая — травма франко-прусской войны. Франция уже давно начала относиться к поражению Великой армии в России как к героической трагедии, которая делает большую честь даже не тому, кто выиграл, но тому, кто проиграл.

Vladimir N. Zemtsov

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University; Ural State Pedagogical University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru

THE CENTENARY OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812:
PARTICIPATION OF THE FRENCH DELEGATION

(on the archives of the Historical Service of the Ministry of Defence of France)

The article is devoted to the participation of the French side in the celebrations associated with the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812. On the basis of French archival documents, first introduced into scientific circulation, the author reveals the actions of the governments and public structures of France and Russia in order to use the celebration of the war anniversary to strengthen the allied relations between the two countries. Despite the fact that the name of the war (the Patriotic War for the Russians and Napoleon's Russian campaign for the French) contained differences in the historical perception of the events of that era, the strategic task of uniting forces against a potential enemy (Germany and its possible allies) forced the state elites of Russia and France to resort to a kind of "reformatting of memory". The initiative to implement such a project came from the Russian side. This was due to the fact that for the Russian events of 1812 fit into the concept of "memory-victory", while for the French it was "memory-trauma". Two countries and two peoples were also divided by the fact that France was a Republic and Russia — a semi-absolutist hereditary monarchy; French society demonstrated a high degree of political and civil liberties, while in Russia the processes leading to this were just beginning. Owing to all these circumstances, parties had shown different degrees of willingness to "memorial reformatting". In Russia, this process was more easy, which was due to the general dominance of the state and the weak development of social structures, it was also facilitated by the fact that for the owner of the memory-victory was much easier to show a noble indulgence to the once defeated enemy than for the carrier of memory-injury. However, at the turn of the 19th–20th centuries, France had already been more concerned about a much more recent national trauma than the one it experienced in 1812–1815 — the trauma of the Franco-Prussian war. This contributed to the fact that the French began to treat the defeat of the Great Army in Russia as a heroic tragedy, which makes it a great honor not even to the one who won, but to the one who lost.

Keywords: *Patriotic War of 1812, anniversary, France, Russia, national memory, reformatting of memory*

REFERENCES

Botchkov E. A. ["For the benefit of maintenance of our sincere relations with France..." The participation of the French delegations in events devoted to the 100-anniversary of the Borodino battle in 1912]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [Saint-Petersburg Historical Journal], 2017, no. 2 (14), pp. 232–255. (in Russ.).

Botchkov E. A. [“For the benefit of maintenance of our sincere relations with France...” The participation of the French delegations in events devoted to 100-anniversary of the Borodino battle in 1912]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [Saint-Petersburg Historical Journal], 2017, no. 3 (15), pp. 174–182. (in Russ.).

Bukreeva E. M. [Research trips of Baron de Bai to Borodino]. *Borodino i osvoboditel'nyye pokhody russkoy armii 1813–1814 godov: materialy Mezhdunarod. nauch. konf.* [Borodino and the liberation campaigns of the Russian army of 1813–1814: Proceedings of the Intern. Sci. Conf.]. Borodino: Borodinskij voenno-istoricheskij muzej-zapovednik Publ., 2015, pp. 74–90. (in Russ.).

Kern E. *Les commémorations de la réconciliation entre la France et la Russie (1812–2012)* [Commemorations of the reconciliation between France and Russia (1812–2012)]. Saint-Denis: Edilivre, 2014, 364 p. (in French).

Khomchenko S. N. [French monument and anniversary celebrations at the Borodino field on September 7–8, 1912 in the memoirs of Colonel V.-A. Fleury]. *Otechestvennaya voyna 1812 goda. Istochniki, pamyatniki, problemy: materialy XIX mezhdunar. nauch. konf.* [Patriotic War of 1812. Sources, monuments, problems: Proceedings of the 19th Intern. Sci. Conf.]. Borodino: Borodinskoe pole Publ., 2016, pp. 57–69. (in Russ.).

Nazaryan E. A. [Participation of the Russian Foreign Ministry in the preparation of anniversary celebrations in 1912]. *Borodino i Napoleonovskiye voyny. Bitvy, polya srazheniy, memorialy: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoy 190-letiyu Borodinskogo srazheniya* [Borodino and Napoleonic Wars. Battles, battlefields, memorials: Proceedings of the Intern. Sci. Conf. dedicated to the 190th anniversary of the Battle of Borodino]. Moscow: “KALITA” Publ., 2003, pp. 404–409. (in Russ.).

Ulyanova G. N. [The Battle of Borodino anniversaries and the problem of transforming historical memory: historiography and periodization]. *Epokha 1812 goda v sud'bach Rossii i Evropy: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [The Epoch of 1812 in the fates of Russia and Europe: Proceedings of the Intern. Sci. Conf.]. Moscow: IRI RAN Publ., 2013, pp. 498–509. (in Russ.).